

Ю.А. Борисёнок

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Трансформация в условиях взаимодействия традиций Запада и Востока наложила отпечаток на развитие материальной и духовной культуры, менталитета и традиций населения белорусских земель в первой половине XX в., в эпоху начала процесса институализации белорусской нации. При этом формирование белорусской нации и развитие белорусской культуры были в значительной степени связаны с развитием политического и этнокультурного противостояния между Россией и Польшей. В современной исторической науке рассмотрению этой научной проблемы сквозь призму динамики трансформации, как правило, уделяется фрагментарное внимание, продолжают использоваться устаревшие концепции и устойчивые стереотипы.

Ключевые слова: белорусские земли, белорусизация, традиции, менталитет, процессы модернизации.

Процессы модернизации на белорусских землях, в частности на пространстве XX в., представляют собой перспективную научную проблему, которая лишь частично стала предметом серьезного и тем более всестороннего изучения в историографии¹. Однако имеющиеся по данной проблематике исследования белорусских, российских, польских, чешских специалистов, а также ученых из других стран, несомненно, заслуживают аналитической оценки, которая и будет предпринята в настоящей статье.

При том, что для анализа ситуации до сих пор часто используются устаревшие концепции и сформировавшиеся в последние десятилетия стереотипы разной степени устойчивости, стоит прежде всего отметить появление новых подходов к проблеме. В частности,

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-21-01004.

© Борисёнок Ю.А., 2014

белорусский ученый Л.В. Колединский с 2007 г. вводит в научный лексикон перспективное, на наш взгляд, понятие. В трактовке этого автора «виталитивная культура» (от лат. *vita* – жизнь) – это часть материальной культуры, связанная с жизнеобеспечением человека. Сюда археолог из Минска относит жилище, одежду, пищу, предметы повседневного обихода². На наш взгляд, в понятие виталитивной культуры логично добавить и культуру духовную, которая на протяжении многих столетий тесно сочленена с повседневным бытом. Тогда новый термин получит более широкую трактовку: в таком понимании виталитивная культура – это часть материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. В белорусской историографии виталитивная культура городского населения в аспектах взаимодействия материальной и духовной составляющих впервые была рассмотрена в монографическом исследовании И.А. Марзалюка³. На основании изучения мемуарной литературы быт привилегированного сословия был подвергнут анализу в книге известного белорусского филолога и историка А.И. Мальдиса⁴. Таким образом, историографический опыт наглядно показывает, что наиболее успешно проблемы динамики трансформации можно рассмотреть только путем комплексного изучения всех групп исторических источников. И реконструкция модернизационных процессов в данном ключе оправдана не только при обращении к реалиям Средневековья, но и в поисках утраченного совсем недавно, в позапрошлом XIX и прошлом XX в.

К области виталитивной культуры стоит отнести, к примеру, и процессы трансформации культурно-языкового пространства на белорусских землях, называемые в советских реалиях 1920-х гг. политикой белорусизации. Как ни удивительно, но вплоть до недавнего времени этой проблеме в историографии были посвящены исключительно статьи и главы в коллективных монографиях. Первая в мировой исторической науке специальная книга на эту тему увидела свет в 2012 г. в Праге в издательстве «Лидове новины»⁵. Молодая исследовательница из Карлова университета Алена Маркова, приехавшая в Чехию из Беларуси, назвала свою монографию «Советская белорусизация как путь к нации. Иллюзия или реальность?». Книга представляет хороший пример камерного исторического исследования, не претендующего на всеохватность и жестко нацеленного на конкретные научные задачи. Стоит особо отметить кропотливую работу автора над чешским вариантом текста, в особенности над транскрипцией белорусских фамилий, имен, а также советских терминов. Источниковая база монографии опирается

на материалы белорусских архивов и опубликованные источники, проработанные автором основательно и добросовестно, в том числе весьма информативный сборник документов о белорусизации под редакцией покойного Р.П. Платонова (2001)⁶ дождался подробного анализа. По мнению автора, «белорусизацию можно понимать как процесс культурной и языковой консолидации белорусской нации на фоне продолжающегося процесса ее формирования»⁷. Это означает, что на вынесенный в заголовок книги провокационный вопрос (напоминающий шедевры хрущевской пропаганды вроде «Коммунизм: фантастика или реальность?») исследовательница отвечает твердо, склоняясь к очевидному признанию реальности описываемых процессов (правда, возразить германскому исследователю Р. Линднеру, походя утверждающему обратное, она почему-то не решилась⁸). Но реальность эта, благодаря строгости подходов автора, замыкается преимущественно на отражении процессов белорусизации в области просвещения, науки, показе роли национальной белорусской интеллигенции и особенно учителей в реализации этой политики, отображении географии и исторического прошлого белорусских земель в учебниках 1920-х гг., а также проникновении белорусизации в государственные структуры, включая политику «коренизации кадров», которая у автора почему-то именуется просто «коренизацией»⁹, создавая путаницу с курсом, провозглашенным весной 1923 г. на XII съезде РКП(б). Предпосылки белорусизации изложены, на наш взгляд, излишне кратко, последствия же процесса вообще остались вне поля зрения историка, что обидно. Заключение же к работе неожиданно для читателя обращено к концепции белорусизации в теоретическом аспекте, что подчеркивает уважение автора к рецензенту книги – известному чешскому исследователю Мирославу Гроху, но порой противоречит выдвинутым в первых главах работы тезисам.

Отрадно, что исследовательский ракурс автора оказался шире традиционных узких представлений о «советском тоталитаризме», априори тупо и безжалостно угнетающем все нации и народности от белорусов до нганасанов. Алена Маркова неплохо чувствует белорусскую специфику процесса национального строительства, именуя белорусизацию «комплексным общественным процессом», который начинается с «политического решения о приоритете продвижения национального языка»¹⁰. Автор абсолютно верно связывает постановку вопроса о белорусизации с речью Сталина на X съезде РКП(б) в 1921 г.¹¹, но приводит лишь первую часть высказывания будущего «вождя народов», где говорится о безусловном признании существования белорусов, опуская важнейшее продолжение,

в котором на примере Риги и Будапешта обосновывается тезис о быстрой смене этнической окраски городов и регионов Восточной Европы¹². Оба сталинских высказывания взаимосвязаны и в дальнейшем именно в связке друг с другом отражались в исторической реальности. Без учета этой теоретической модели сложно оценить реальные причины свертывания процесса белорусизации.

Заметим, что автор отводит этой политике в БССР всего пять лет (1924–1929)¹³, тогда как даже настроенный с начала 1990-х гг. априори антисоветски белорусский историк старшего поколения Л.М. Лыч пишет о процессах белорусизации и в 1930-е гг.¹⁴ Как будет показано ниже, начало реального внедрения преподавания на белорусском языке даже в фактически еще остававшихся в составе РСФСР белорусских уездах Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, подлежавших передаче в состав БССР в 1924 г., по решению центральных союзных властей было реализовано с 1 сентября 1923 г. При этом осуществление мероприятий в духе большевистской национальной политики не было однородным: уже в сентябре 1927 г. руководству БССР пришлось отчитываться в Москве по линии ЦИК СССР не о чем-нибудь, а об итогах белорусизации. Стоит помнить и о том, что отдельные новации в жизни белорусского общества, связанные именно с белорусизацией (школьное обучение, массовый охват печатью и радио на белорусском языке, создание Академии наук БССР, музеев и других культурно-просветительных учреждений), при всех изменениях курса советских властей непрерывно и реально существовали вплоть до распада СССР в 1991 г.

Итак, современная историография национальных процессов в БССР в 1920-е гг. обогатилась весьма полезным монографическим исследованием с акцентом на образовательно-культурные процессы. В то же время Алена Маркова почти не затронула профессиональный аспект проблемы и совершенно не придала значения внешнеполитическому измерению белорусизации. Это тем более досадно потому, что автор, судя по тексту книги, в отличие от очень многих исследователей данной проблематики, владеет польским языком. В реальности это вылилось среди прочего в крайне сомнительный комплимент избранным (на деле их было больше) польским комментаторам 1925–1928 гг. текущей советской национальной политики в Беларуси: подход Ю. Голомбка, Э. Малишевского и Я. Охоты¹⁵ без лишних подробностей назван «объективным, то есть свободным от коммунистической идеологии»¹⁶. То обстоятельство, что в работе нет ни слова об объективно антипольском содержании как всей политики белорусизации,

так и ее старта в 1923 г., делает весьма актуальным специальное обращение к этой проблеме.

Если говорить о российской исторической науке, то в ее рамках разработка белорусских сюжетов первой половины XX столетия находится еще в начальной стадии, о чем, правда, говорилось и в весьма актуальной для своего времени коллективной монографии «Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии»¹⁷. Специальные монографические исследования, посвященные этому периоду времени, до сих пор не изданы, как это уже сделано, к примеру, в отношении Украины в трудах Е.Ю. Борисёнок, А.В. Марчукова или И.В. Михутиной¹⁸; нет и обобщающих работ по истории Беларуси, написанных российскими авторами. Стоит отметить научную и публикаторскую деятельность отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, в том числе продолжающееся издание «Белоруссия и Украина: история и культура» и сборники материалов международных научных конференций последних лет¹⁹. Наибольшая активность проявляется российскими специалистами в двух традиционных областях, осваиваемых еще с XIX столетия, – истории белорусской литературы и этнологических исследованиях. В этом плане, в частности, заслуживают внимания монография А.К. Кавко «От Скорины до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения» (2006) и коллективный труд российских и белорусских этнологов «Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование» (2005)²⁰. Для обращения к предыстории белорусской проблемы в XX в. серьезное значение имели увидевшие свет в последнее десятилетие монографии А.А. Комзоловой и М.Д. Долбилова, посвященные политике властей Российской империи и конфессиональной ситуации позапрошлого столетия²¹. В отсутствие специальных монографий нельзя не отметить статьи И.В. Михутиной, О.В. Петровской и Д.А. Коротковой²² на интересующие нас сюжеты. Отрадно, что Д.А. Короткова подготовила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященную фактору Белоруссии в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. В защищенной в 2012 г. кандидатской диссертации М.С. Павловой «Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг.» также имеются интересные наблюдения о дипломатическом аспекте белорусской проблемы по окончании Первой мировой войны²³.

Небольшое количество «исхоженных тропок», касающихся белорусских сюжетов в современной российской историографии, можно объяснить как сохраняющимся поныне стереотипом совет-

ских времен, согласно которому проблемами «союзных республик» рекомендовалось заниматься «на местах» (а там, в свою очередь, ставили цензурные и идеологические препоны и рогатки), так и тем, что история белорусских земель первой половины прошлого века плохо подпадает под сложившееся в отечественной науке «общественное разделение труда» между собственно историей России, историей южных и западных славян и историей ближнего зарубежья (последняя преимущественно нацелена на анализ событий после 1991 г.). Пока же, к примеру, в интересных трудах, посвященных и советско-польским войнам первой половины XX в., и пятнам различного цвета в советско-польских отношениях, и «этнополитическому ландшафту СССР» межвоенной эпохи либо «психосоциальной динамике постреволюционного времени», сюжеты, относящиеся к БССР, в силу их малоизученности оказываются на далекой периферии исследовательского внимания²⁴. Стоит надеяться, что в обозримом будущем эта ситуация все-таки изменится в лучшую сторону.

В польской исторической науке и во времена ПНР выходили в свет монографии о белорусских сюжетах XX в.²⁵, в 1979 г. появилась и обобщающая работа М. Космана об истории Беларуси²⁶, переизданная в 1987-м. Для исследований после 1989 г. проблематика Беларуси начинает рассматриваться в новых ракурсах, к примеру в плане комплексного исследования польского пограничья²⁷. В последнюю четверть века историография Польши однозначно обогатилась рядом монографий, посвященных белорусским сюжетам первой половины XX столетия: в работах П. Врубеля, К. Гомулки, Д. Тарасюка, Х. Глоговской и Д. Михалюк отражены новые элементы восприятия польскими историками проблем национального самосознания белорусов, их роли в сложных исторических процессах 1905–1922 гг., в том числе провозглашения БНР, судеб белорусской культуры и теоретического осмысления прошлого и настоящего Беларуси²⁸. В то же время нельзя не заметить, что многие принципиально важные сюжеты польскими исследователями часто практически не затрагиваются, как, например, политика белорусизации, либо освещаются очень скупо, как, например, вопрос оформления белорусских границ. Одна из немногих на сегодняшний день книг польских белорусистов, переведенных на белорусский язык, вышедшая в польском оригинале в 2000 г. работа социолога из Люблина Р. Радзика грешит традиционными упрощениями в духе рассуждений о «слабости (запоздании) белорусского нациетворческого процесса»²⁹.

Особое место в современной польской историографии занимают два историка из Белостока – этнические белорусы О. Латышо-

нок и Е. Миронович, отличающиеся оригинальными, не похожими на коллег монографическими исследованиями и обобщающими трудами и своеобразным взглядом на белорусскую историю³⁰. «Глядя из Белостока», многие, казалось бы, избитые сюжеты приобретают новое звучание, в особенности это относится к «новому прочтению» Латышонком сюжетов XIX столетия³¹. При этом данные пионерские изыскания в исторической науке Польши представляли собой исключение и раньше, а сегодня, в условиях все более явных стремлений к реанимации межвоенных политических догм типа уже известного нам отрицания Западной Беларуси и Западной Украины как историко-географических объектов, они выделяются еще ярственнее.

В западной историографии стоит отметить работы германских специалистов Р. Линднера и В. Дённингхауса, переведенные соответственно на белорусский и русский языки³². В англоязычных же трудах белорусской истории отводится привычно скромное место, в том числе в нашумевшей работе Т. Мартина и сборнике из того же исследовательского круга «Государство наций» (обе книги в 2011 г. увидели свет и в русском переводе³³). Если обратиться к собственно белорусским сюжетам, то получится, что изданная в 1956 г. в США книга достаточно известного в русской эмиграции журналиста, уроженца Киева Николая Платоновича Вакара (1894–1970)³⁴ по-прежнему сохраняет и определенную исследовательскую ценность, и чуть ли не свежесть подходов. А вот белорусизации посвящены всего несколько статей на западных языках, не слишком продвигающих исследование вперед, но пополнивших немецкий и английский языки новыми словами *Belorussifizierung* и *Belorussification*³⁵.

Оптимизма историографической ситуации придают серьезные и в целом позитивные изменения, происходящие с начала 1990-х гг. в белорусской исторической науке. Для их сколько-нибудь адекватной характеристики необходимо специальное монографическое исследование; здесь же мы кратко укажем ряд наиболее характерных тенденций. Во-первых, белорусские историки уже к началу XXI в. в целом преодолели вполне естественный в условиях отхода от советских стереотипов и штампов этап романтизированного отношения к истории, выразившийся помимо монографий и статей в попытке создания в 1994–1995 гг. новой национальной концепции истории нового государства³⁶. В итоге уже в 2000-е гг. развитие исторической науки сопровождается, на наш взгляд, интересной разногласицей мнений по ключевым вопросам белорусской истории XIX и первой половины XX столетия.

Во-вторых, впервые в белорусской историографии были обеспечены условия для разработки и источникового наполнения всего спектра проблем развития белорусского общества, а не только «дозволенных цензурой» в советские годы, причем лишь частично, истории белорусской литературы, этнографии и фольклора³⁷. Вышли в свет шеститомные «Энциклопедия истории Беларуси» (1993–2005) и «История Беларуси», 4-й и 5-й тома которой (2005, 2007) посвящены белорусской истории 1795–1945 гг.³⁸ Для понимания предыстории белорусских проблем XX в. весьма актуальны предпринятые в 2000-е гг. государственным издательством «Беларуская Энцыклапедыя» солидные переиздания трудов Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского, М.О. Кояловича, И.В. Турчиновича и других исследователей белорусских сюжетов XIX – начала XX в.³⁹; не менее ценны параллельные усилия государственного издательства «Беларусь» по публикации трудов М.В. Довнар-Запольского, В.М. Игнатовского, П.М. Шпилевского и ряда прочих историков и этнографов минувших лет⁴⁰.

В-третьих, увидели свет не свойственные ранее белорусской историографии фундированные и представляющие немалый исследовательский интерес монографии, посвященные общественному движению в Беларуси⁴¹, становлению белорусской государственности⁴², международному положению белорусских земель⁴³ и ситуации на отошедших к Польше западнобелорусских землях⁴⁴.

Впрочем, на фоне столь существенных изменений назвать научное поле белорусской истории первой половины прошлого века до конца распаханным сложно. Остаются еще и исследовательские лакуны. Например, сюжет о проекте образования Полоцкой области в составе РСФСР в июле 1944 г. до сих пор не стал предметом изучения белорусских историков. Так и не появилось специальной монографии о политике белорусизации, а существующие статьи, как правило, не идут дальше стереотипных подходов первой половины 1990-х гг. или посвящены школьно-образовательным сюжетам. Более того, филолог И. Климов в 2008 г. попытался доказать, что «белорусизация была именно языковой политикой – и только языковой, однако не культурной и не этнической (последнюю стоит описывать термином “коренизация”)», а также поставил под сомнение логичный вывод З. Шибeko о том, что белорусизация проводилась в целях минимизации польского влияния в БССР⁴⁵. Как увидит далее читатель, именно белорусизация привела и к минимизации численности самих поляков в советской части Беларуси...

Изменились и представления российской историографии о межвоенной польской государственности: речь уже не идет ни о

«фашистской диктатуре Пилсудского», ни о «буржуазно-помещичьей Польше»; более того, в 2012 г. Институтом славяноведения РАН вслед за аналогичными трудами по истории Болгарии, Чехии и Словакии, Югославии выпущено капитальное и соответствующее современному состоянию отечественной исторической науки коллективное монографическое исследование «Польша в XX в. Очерки политической истории»⁴⁶. То, что оно (при всех понятных в работе такого объема шероховатостях) достигло задуманной цели, показывает и обширная страстно-критическая рецензия на книгу, написанная молодым польским историком Лукашем Адамским, одним из руководителей созданного в 2011 г. Центра польско-российского диалога и согласия и опубликованная 10 ноября 2013 г. в украинском издании «Неділя»⁴⁷. Статья озаглавлена «Архаичный синтез» и пытается уличить российских полонистов в том, что в XXI в. их взгляды на Польшу прошлого века безнадежно устарели и по-прежнему базируются на советском багаже.

Но ахиллесовой пятой варшавского критика является его априорная симпатия к концепциям и подходам, выработанным в Польше в межвоенный период. То есть архаизм позднесоветских интерпретаций (они, кстати, в 952-страничной монографии проскальзывают, но не более того; ключевые концепции реально обновлены и представляют серьезный исследовательский интерес) российским полонистам предлагается заменить на признание ужасно спорных инвектив как минимум 75-летней давности, то бишь «комиссаров в пыльных шлемах» призваны отодвинуть «рыцари без страха и упрека» из лагеря польской санации. Сознает ли автор, что ответом на этот «призыв к истокам» может стать углубление в столь же однозначный исторический взгляд, не менее страстно высказанный «известным советским полонистом» Вячеславом Михайловичем Молотовым в его выступлении на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.: «Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. “Традиционная политика” беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась»⁴⁸. Приняв правила игры Лукаша Адамского, можно продвинуться и дальше, посмотрев межвоенным советским взглядом на Восточную Европу и обнаружив там еще несколько столь же «уродливых детищ», к примеру, королевскую Югославию или Чехословацкую Республику...

Наметив перспективное исследовательское направление, обратим внимание на некоторые высказывания польского историка касательно белорусских проблем, транслирующие мироощущение межвоенной элиты II Речи Посполитой и в современной ситуации выглядящие уничтожающе архаично (при этом в польской исторической науке, как читатель увидит ниже, имеются серьезные подвижки в белорусистике). Критикуя Г.Ф. Матвеева за этническую характеристику территорий будущей БССР, Адамский рассуждает так: «На землях, посчитанных Матвеевым “белорусскими”, элиты были польские, еврейские или русские, а крестьянство – польское, а чаще всего польскоязычное и белорусскоязычное. Национальное движение белорусов находилось на зачаточной стадии, а интеллигенция, идентифицировавшая себя с белорусской нацией, была малочисленной. В свою очередь, в Виленском крае “этнические” литовцы были в значительном меньшинстве, там преобладали поляки, из которых многие имели очевидные литовские или белорусские корни»⁴⁹. А далее следует «шедевр» из области гибридной, воистину мичуринской этничности: «В Вильно первых десятилетий XX в. и Виленском крае доминировали литовцы-поляки (их самый яркий представитель – Юзеф Пилсудский), восточнее – литовцы-поляки и литовцы-белорусы»⁵⁰. То есть перед нами старый затрепанный подход 1920–1930-х гг., согласно которому белорусов между Варшавой и Москвой нет и звать их никак, а если уж они есть – то где-то там забились под печкой в ничтожном количестве.

Свои мысли автор подкрепляет официальной польской статистикой конца 1930-х гг., которая, на наш взгляд, по части фальсификаций была родной и любимой сестрой давно изруганной статистики советской: «...западная часть восточных воеводств польского государства, нелегально [!!! – Ю. Б.] – о чем потом шире – аннексированных в состав Белорусской ССР в результате незаконно объявленных выборов, проведенных на сталинских началах с применением всеобщего террора тоталитарного государства, была плотно заселена поляками и поныне находится в Польше (Подляшье и восточная Мазовия). Достаточно посмотреть на общую картину всех восточных воеводств довоенного польского государства, так называемой II Речи Посполитой, чтобы засомневаться в утверждениях Парсадановой и бесчисленных других историков, распространяющих похожие лозунги. В 1939 г. 49 % жителей так называемой “Западной Белоруссии” было поляками, 9 % – евреями, а белорусы составляли лишь 23 %! В свою очередь на землях Польши, аннексированных Литвой (тоже незаконно), жило 69,2 % поляков и 13,1 % евреев и только 11,3 % литовцев! Исключительной была

ситуация на Волыни и в бывшей Восточной Галиции, где 56,2 % населения были украинцами, а поляки (32 %) с евреями составляли меньшинство (около 40 %). Это официальные польские данные на 1939 г. на основе переписи населения от 1931 г., проведенной по языковому критерию. Перепись 1931 г. многими исследователями критиковалась за то, что она понижала на несколько процентов численность национальных меньшинств в Польше. Однако общая картина не поменяется даже при коррективе этих статистических данных»⁵¹. У «полониста» же Молотова 31 октября 1939 г. в ходу была другая статистика, столь же однозначная: «Перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства. Так, территория Западной Белоруссии достигает 108 тысяч квадратных километров, с населением в 4 миллиона 800 тысяч человек. Территория Западной Украины составляет 88 тысяч квадратных километров, с населением в 8 миллионов человек. Таким образом, перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население – около 13 миллионов человек, из которых украинцев – более 7 миллионов, белорусов – более 3 миллионов, поляков – свыше 1 миллиона, евреев – свыше 1 миллиона»⁵². Остается прояснить, какие из межвоенных цифр поближе к реальности...

Таким образом, историографическая картина модернизационных процессов на белорусских землях в первой половине XX столетия в последние два десятилетия приобрела немало специфических черт и обогатилась серьезными научными наработками. Но целый ряд кардинальных проблем, имеющих прямое отношение к механизмам динамики трансформации, в том числе и процессы белорусизации, до сих пор исследованы недостаточно интенсивно.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. С. 4–35.
- ² *Колединский Л.В.* Виталитивная культура Витебска в конце XIII – середине XV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск: Беларуская навука, 2012. С. 437–455.
- ³ *Марзальок І.А.* Магілёў у XII–XVIII ст. Людзі і рэчы. Магілёў; Мінск: Веды, 1998. 260 с.

- ⁴ *Мальдзіс А.* Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Мінск: Лімарыус, 2001. 384 с.
- ⁵ *Marková A.* Sovětská bělorusizace jako cesta k národu. Iluze nebo realita? Praha: Lidové Noviny, 2012. 262 s.
- ⁶ Беларусізацыя. 1920-я гады / Пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. Мінск: БДУ, 2001.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 16.
- ⁹ Там же. С. 153–158.
- ¹⁰ Там же. С. 24.
- ¹¹ Там же. С. 36.
- ¹² См.: *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат, 1937. С. 81.
- ¹³ *Marková A.* Op. cit. S. 41, 159–174.
- ¹⁴ *Лыч Л.* Беларусізацыя: 30-я гады // Маладосць. 1995. № 12. С. 197–207.
- ¹⁵ См.: *Goląbek J.* Początki dramatu białoruskiego. Warszawa, 1925; *Maliszewski E.* Białoruś Sowiecka i jej stosunki narodowościowe // Sprawy Narodowościowe. 1927. № 5–6. S. 509–519; *Ochota J.* Z historii państwowotwórczych poczyniań białoruskich // Sprawy Narodowościowe. 1928. № 1. S. 1–21.
- ¹⁶ *Marková A.* Op. cit. S. 11.
- ¹⁷ Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М.: Наследие, 1997.
- ¹⁸ См.: *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006; *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е гг.: цели, методы, результаты. М.: Наука, 2006; *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир. М.: Европа, 2007.
- ¹⁹ См.: Белоруссия и Украина: история и культура. Вып. 1–4. М.: Тезаурус, 2003–2011; Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетей, 2011; Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши. Механизмы формирования и способы проявления. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- ²⁰ См.: *Кавко А.К.* От Скорини до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения. М.: ИМЛИ РАН, 2006; Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование. М.: РУДН, 2005.
- ²¹ См.: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.
- ²² См.: *Михутина И.В.* К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии // Славяноведение. 2008. № 4. С. 54–81; *Петровская О.В.* Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2012. № 1. С. 24–41; *Короткова Д.А.* Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в

- 1920 г. // Славяноведение. 2012. № 3. С. 51–64; *Она же*. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» // Родина. 2012. № 3. С. 100–104; *Она же*. Белорусский вопрос на советско-литовских переговорах 1920 г. // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М.: МГУ, 2011. С. 504–512.
- ²³ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2012.
- ²⁴ См.: Мельтохов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009; Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект-Пресс, 2010; Аманжолова Д.А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. М.: Собрание, 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия. 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012; и мн. др.
- ²⁵ См., напр.: *Lewandowski J.* Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 – IV 1920). Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962; *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa: Książka i Wiedza, 1969.
- ²⁶ *Kosman M.* Historia Białorusi. Wrocław etc.: Ossolineum, 1979.
- ²⁷ *Pogranicze z Niemcami i inne pogranicza Polski.* Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 1999.
- ²⁸ См.: *Wróbel P.* Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990; *Gomółka K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918–1922. Warszawa: Warszawska oficyna wydawnicza, 1994; *Głogowska H.* Białoruś 1914–1929. Kultura pod presją polityki. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1996; *Tarasiuk D.* Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na Białorusi w latach 1905–1918. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007; Białoruś w XX stuleciu. W kręgu kultury i polityki. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007; *Michaluk D.* Białoruska Republika Ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010.
- ²⁹ См.: *Radziak P.* Вытокі сучаснай беларускасці. Беларусы на фоне нацыятворчых працесаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. Мінск: Медысонт, 2012. С. 307–326; *Radziak R.* Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000.
- ³⁰ См.: *Latyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1995; *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowego. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007; *Латышонак А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да

- пачатку ХХІ ст. Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010, і др.
- 31 См. соответствующие разделы в кн.: *Латышонак А.* Нацыянальнасьць – беларус. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009.
- 32 См.: *Лінднэр Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ХІХ–ХХ ст. Мінск; СПб.: БГА, 2005; *Дённингхаус В.* В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011.
- 33 См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; Государство наций: империя и национальное строительство в СССР. М.: РОССПЭН, 2011.
- 34 *Vakar N.P.* Belorussia: the Making of a Nation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.
- 35 См.: *Chiari B.* “Nationale Reanaissance”, Belorussifizierung und Sowjetisierung. Erziehungs- und Bildungspolitik in Weissrussland 1922–1944 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 42. H. 4. S. 521–540; *Wexler P.* Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890–1982 // *Sociolinguistic Perspectives on Soviet Languages. Their Past, Present and Future*. Berlin; N. Y.; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. P. 37–56.
- 36 Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск: Беларусь, 1994; Ч. 2. Мінск: Беларусь, 1995.
- 37 Причем и в этих областях продвижение вперед весьма ощутимо. См., напр.: Гісторыя беларускай літаратуры ХІ–ХІХ стагоддзяў. Т. 2. Новая літаратура. Мінск: Беларуская навука, 2010; *Пилипенко М.Ф.* Возникновение Белоруссии (Новая концепция). Минск: Беларусь, 1991; *Белорусы. М.: Наука, 1998; Терешкович П.В.* Этническая история Беларуси ХІХ – начала ХХ в.: в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск: БГУ, 2004; *Лобач У.А.* Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сяміятычнай перспектыве. Мінск: Тэхналогія, 2013; і мн. др.
- 38 См.: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1–6. Мінск: БелЭн, 1993–2005; Гісторыя Беларусі. Т. 4. Мінск: Экаперспектыва, 2005; Т. 5. Мінск: Экаперспектыва, 2007.
- 39 См.: *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. 1–3. Минск: БелЭн, 2006–2007; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Сост. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик и др. Минск: БелЭн, 2006; *Турчинович И.В.* Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. Минск: БелЭн, 2006; *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. Минск: БелЭн, 2006; и др.
- 40 См.: *Довнар-Запольский М.В.* История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2003; *Ігнатаўскі У.М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск: Беларусь, 1992; *Шпилевский П.М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск: Беларусь, 2004.
- 41 См.: *Смалянчук А.Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917. СПб.: Неўскі прасцяг, 2004;

- Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск: Экаперспектыва, 1999; *Унучак А.У.* «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух. Мінск: Беларуская навука, 2008; і др.
- ⁴² См.: *Игнатенко И.М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1992; *Коршук В., Платонов Р. и др.* Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск: БГУ, 1999; *Круталевич В.А.* История Беларуси: становление национальной державности. Минск: Право и экономика, 1999; *Ладысеў У., Брыгадзін П.* На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920). Мінск: БДУ, 1999; *Ладысеў У., Брыгадзін П.* Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай целаснасці Беларусі (1917–1939). Мінск: БДУ, 2003; *Рудовіч С.* Час выбару: праблемы самавызначэння Беларусі у 1917 г. 2-е выд. Мінск: Тэхналогія, 2001; *Трацяк С.А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі. Лістапад 1917 – студзень 1919 г. Мінск: Беларуская навука, 2009; і др.
- ⁴³ См.: *Лазько Р.Р., Кротаў А.М., Мязга М.М.* Беларусь у еўрапейскай палітыцы, 1918–1925 гг. Нарысы. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003; *Ціхміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск: Экаперспектыва, 2003; і др.
- ⁴⁴ См.: *Даніловіч В.В.* Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2007; *Вабішчэвіч А.Н.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: БрДУ, 2008; *Кривуть В.И.* Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2009; *Разуванова К.С.* Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2013; і др.
- ⁴⁵ *Клімай І.* Асаблівасці правядзення беларусізацыі ў 1920-я гг. // *Studia białorusnistyczne*. Т. 2. Lublin, 2008. S. 53, 67.
- ⁴⁶ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2012. 952 с. См. также: *Борисёнок Ю.* Некраткий курс недавней истории. Рец. на кн.: Польша в XX веке. Очерки политической истории // *Родина*. 2013. № 2. С. 70.
- ⁴⁷ *Адамский Л.* Архаичный синтез // *Неділя*. 2013. 10 листопада.
- ⁴⁸ Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г.: Стенографический отчет. М., 1939. С. 7.
- ⁴⁹ *Адамский Л.* Указ. соч.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Внеочередная пятая сессия... С. 11.